

С Е Р И Я

И С С Л Е Д О В А Н И Я

К У Л Ь Т У Р Ы

DER EINFALL DES LEBENS

*Theorie als geheime
Autobiographie*

DIETER THOMÄ
ULRICH SCHMID
VINCENT KAUFMANN

ВТОРЖЕНИЕ ЖИЗНИ

*Теория как тайная
автобиография*

ДИТЕР ТОМЭ
УЛЬРИХ ШМИД
ВЕНСАН КАУФМАНН

*Перевод с немецкого
МИХАИЛА МАЯЦКОГО*

Второе издание

*Издательский дом
Высшей школы экономики*
МОСКВА, 2026

УДК 82-4
ББК 83.3(0)6
Т56

<https://elibrary.ru/ozydxm>

Книга выпущена при содействии
литературного агентства Gorky Street Moscow

ПРОЕКТ СЕРИЙНЫХ МОНОГРАФИЙ
ПО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМ
И ГУМАНИТАРНЫМ НАУКАМ

Руководитель проекта
АЛЕКСАНДР ПАВЛОВ

Дизайн серии
ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

Томэ Дитер, Шмид Ульрих, Кауфманн Венсан

Т56 Вторжение жизни. Теория как тайная автобиография / пер. с нем. М. Маяцкого; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — 2-е изд. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2026. — 336 с. — (Исследования культуры). — 600 экз. — ISBN 978-5-7598-4318-4 (в пер.). — ISBN 978-5-7598-4293-4 (e-book).

Если к классическому габитусу философа традиционно принадлежала сдержанность в демонстрации собственной частной сферы, то в XX веке отношение философов и вообще теоретиков к взаимосвязи публичного и приватного, к своей частной жизни, к жанру автобиографии стало более осмысленным и разнообразным. Данная книга показывает это разнообразие на примере 25 видных теоретиков XX века и исследует не столько соотношение теории с частным существованием каждого из авторов, сколько ее взаимодействие с их представлениями об автобиографии. В книге предложен интересный подход к интеллектуальной истории XX века, который будет полезен и специалисту, и студенту, и просто любознательному читателю.

УДК 82-4
ББК 83.3(0)6

Перевод подготовлен при участии агентства editRuss.

Опубликовано Издательским домом Высшей школы экономики
<http://id.hse.ru>

doi:10.17323/978-5-7598-4318-4

ISBN 978-5-7598-4318-4 (в пер.)
ISBN 978-5-7598-4293-4 (e-book)
ISBN 978-3-446-24914-1 (нем.)

© Carl Hanser Verlag München 2015
© Перевод на русский язык.
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	7
ПОЛЬ ВАЛЕРИ (1871–1945): Я СОЗДАЮ СВОЮ ТЕОРИЮ	18
ДЬЁРДЬ ЛУКАЧ (1885–1971): ТРИУМФ ТОТАЛЬНОСТИ	28
ЛЮДВИГ ВИТГЕНШТЕЙН (1889–1951): КРИСТАЛЛ И ХАОС	43
ЗИГФРИД КРАКАУЭР (1889–1966): ЧЕЛОВЕК КАК ДЫРА	56
ВАЛЬТЕР БЕНЬЯМИН (1892–1940): ГОРЯЧИЙ И ХОЛОДНЫЙ РАССКАЗЧИК	71
ВИКТОР ШКЛОВСКИЙ (1893–1984): ВЫСАЖЕННЫЙ МАТРОС.	82
МИХАИЛ БАХТИН (1895–1975): НЕ-Я ВО МНЕ	91
АНДРЕ БРЕТОН (1896–1966): СТЕКЛЯННАЯ КРОВАТЬ	105
ЖОРЖ БАТАЙ (1897–1962): ГРЯЗНАЯ ПОСТЕЛЬ.	117
МИШЕЛЬ ЛЕЙРИС (1901–1990): МЕЖДУ ТАВРОМАХИЕЙ И КОМЕДИЕЙ	129
ТЕОДОР АДОРНО (1903–1969): РУКОПОЖАТИЕ СВИНЬИ.	139
ЖАН-ПОЛЬ САРТР (1905–1980): СВОБОДА КАК ЭРЗАЦ.	153
ХАННА АРЕНДТ (1906–1975): ДЕВУШКА С ЧУЖБИНЫ.	165
МОРИС БЛАНШО (1907–2003): ЕСМЬ ЛИТЕРАТУРА	178
КЛОД ЛЕВИ-СТРОСС (1908–2009): КАК СТАНОВЯТСЯ СТРУКТУРАЛИСТАМИ?	189
РОЛАН БАРТ (1915–1980): НЕЧИСТЫЙ СУБЪЕКТ	203
ЮРИЙ ЛОТМАН (1922–1993): АРИСТОКРАТ В СТРАНЕ СОВЕТОВ.	217
МИШЕЛЬ ФУКО (1926–1984): ПОРОГОВОЕ СУЩЕСТВО	230

СТЭНЛИ КЭВЕЛ (р. 1926): ГОЛОС В ХОРЕ	246
ПЬЕР БУРДЬЁ (1930–2002): ЕРЕТИЧНЫЙ КАРЬЕРИСТ	260
ЖАК ДЕРРИДА (1930–2004): ШИФРЫ И ТАЙНИКИ.	270
ГИ ДЕБОР (1931–1994): НИКАКОГО ПРАВА НА ПОНИМАНИЕ . . .	281
СЬЮЗЕН ЗОНТАГ (1933–2004): ПИСЬМО И ОРГАЗМ.	293
ЮЛИЯ КРИСТЕВА (р. 1941): КИТАЯНКА ИЗ БОЛГАРИИ	307
НАДЯ ПЕТЁФСКИ (1942–2013): Я — ЭТО НЕ ТОЛЬКО ДРУГОЙ . . .	319

ВВЕДЕНИЕ

«Вторжение жизни» — этим названием мы играем в двойную игру. С одной стороны, мы представляем дело так, что жизнь подстерегает теорию, вторгается в ее царство, вносит в нее неразбериху. С другой — нам кажется, что теоретику жизнь, что называется, «приходит в голову», вторгается в нее подобно какой-то волшебной мелодии или какому-то почти забытому воспоминанию. Вторжение обычно агрессивно, внезапно, непредвиденно. Оно поражает, нарушает планы, вовлекает в действия, не спрашивая о согласии. Жизнь настигает, жизнь испытывает, но — жизнь и вкушают. Отношения между теорией и жизнью — сфера опасности и наслаждения.

Большинство теоретиков со своей жизнью на *Вы*, подходят к ней со всяческими предосторожностями, если не безразличностью, и с очевидным трудом говорят и пишут о себе. Многие теоретики столь же охотно говорят о мире (или о том, что «имеет место»), сколь неохотно о себе. Они одновременно велеречивы и молчаливы. Свою задачу они видят в том, чтобы высказать общезначимое, утаив личное. Они разворачивают плотную и тщательно сотканную понятийную сеть и прячутся сами, подобно подкарауливающим жертву паукам. Они не хотят сами попасть в свою словесную паутину; единственной добычей их сети должен оказаться мир.

В XX веке эта сдержанность, скрытность была отброшена многими теоретиками. Теперь они театрально, иногда раздражающе-навязчиво выводят на сцену собственную жизнь, бесконечно разбираются с собой, воюют со своим *я*, словом, делают из авто- и просто биографии важную тему своего теоретизирования. В этой книге мы хотим проследить некоторые из путей, проторенных этими мыслителями, и показать, как возможность и невозможность теории связана с автобиографическим поворотом каждого из них.

Существуют две расхожие стратегии осмысления отношений между теорией и автобиографией: проецирование и редукция. Если выбирают проецирование, то обычно видят в самоинсценировании автора не что иное, как теоретическую разминку, упражнение, этюд. Автор конструирует самого себя, подстраивает свою жизнь под интересы теории. Его *я* есть лишь эффект,

а автобиография — результат проецирования со стороны теории. Если же выбирают путь редукции, то сама теория, как ее разрабатывает автор, предстает выражением жизненной фрустрации (или наслаждения от жизни или же «искусства жить»). Теория оказывается сведенной к автобиографии.

Авторы этой книги решили отказаться от обеих стратегий. Объявить я результатом теоретической работы или же, наоборот, считать теорию побочным продуктом личного поиска представляется нам равно спорным. Мы, с одной стороны, не расцениваем жизненные проекты теоретиков, рассматриваемых в этой книге, как зависимые переменные их теоретических предпосылок, но и, с другой, не пытаемся подглядеть за ними в замочную скважину, чтобы из их жизненных обстоятельств вывести их теоретические предпочтения. Мы обратимся скорее к местам на стыке между жизнью и письмом, к пограничным ситуациям, застигшим тех, кто постоянно пытался сладить с собой, а заодно разобраться в себе и в мире. Нас занимают те, кто, будучи людьми, становятся теоретиками, или те, кто, чувствуя себя в теории, как дома, пытаются тематизировать самих себя. Нас интересует вопрос: как теория и автобиография поясняют друг друга — как отражаются в автобиографии основные теоретические воззрения, и наоборот? Почему (некоторые) теоретики выводят самих себя на всеобщий обзор и, заговорив о собственной жизни, нарушают общее молчание?

Нарушая молчание, они порывают еще и с законом, господствовавшим в сфере духа в течение многих столетий, законом, по которому, если мыслитель что-то хочет сказать, он должен говорить не от себя и не о себе; он должен делать вид, что о нем совсем не идет речь, что его, собственно, вообще не существует.

Когда Дэвид Юм опубликовал свои трактаты «О деньгах» и «О многобрачии и разводе», никто не искал в них сведений о его состоянии и сексуальном поведении. Когда Иоганн Готлиб Фихте писал о Я (и о не-Я), он не выступал академическим эгоцентриком, а имел в виду Я в нас всех. Когда Эмиль Дюркгейм анализировал феномен самоубийства, он не взвешивал, а не стоит ли и ему опробовать изучаемое на себе. Когда Макс Вебер в своем знаменитом размышлении о «ступенях и направлениях религиозного неприятия мира» (1915)¹ воспевал «эротическое

¹ Вебер М. Теория ступеней и направлений религиозного неприятия мира // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.

упоение» и «безграничность в готовности отдаться другому», он делал это с невозмутимой деловитостью ученого. В эссе о смехе Анри Бергсон рассуждал отнюдь не о своем веселом расположении духа.

Пока в XX веке не рухнул неколебимый закон теоретической анонимности, существовало некоторое мирное разделение труда между академическими ортодоксами, этому закону свято следовавшими, и редкими одиночками и аутсайдерами, не желавшими лишать себя права поговорить о собственной жизни. Монтень говорит: «Я — как утка, люблю дождь и грязь»². Руссо в «Прогулках одинокого мечтателя» рассказывает, как его свалил с ног огромный датский дог. Кьеркегор сообщает читателям, что его воспитывали безумцы и что он «с детства свыкся с давящей мощью чудовищной тоски»³. От Ницше мы узнаём, что он никогда не ел между приемами пищи и отказался от кофе, потому что тот «омрачает дух»⁴. В своем истолковании сновидений Фрейд глубоко закапывается в собственные душевные состояния: «С сообщением же собственных сновидений была неразрывно связана необходимость раскрывать перед чужим взором больше интимных подробностей моей личной жизни, чем мне бы хотелось»⁵. Академическим мыслителям хочется этого еще меньше.

Можно сказать и так: кризис в отношениях между мыслителями академическими и «чужаками» резюмируется в споре о том, нужно ли писать заглавной или же строчной одну-единственную букву: «я». Ратующие за строчную употребляют *местоимение*. Оно заменяет одного определенного человека. Пишущий «я» говорит, таким образом, о себе. Не то, если из «я» сделать «Я»: Я, по-немецки *das Ich*, сразу производится в ранг существительного и с тем большим апломбом претендует на роль полноценного подлежащего-субъекта. Это Я восстает против персонализации, у него нет ни цвета кожи, ни любимого блюда, оно не знает любовных мук. Как подлежащее оно самодостаточно,

² Монтень М. Опыты. Т. 3. М., 1992. С. 89. Здесь и далее использованные переводы могли мной изменяться, иногда значительно. В отсутствие имеющихся, перевод мой. — *Примеч. пер.*

³ Kierkegaard S. Die Schriften über sich selbst. Düsseldorf, 1951. S. 75.

⁴ Ницше Ф. Ессе Homo // Ницше Ф. Соч.: в 2 т. Т. 2. М., 1990. Гл. «Почему я так умен». С. 710.

⁵ Фрейд З. Толкование сновидений. Введение. М., 1991. С. 4.

оно вопиет: я тут главный, во мне дело! Не строчное я, а заглавное обособившееся Я, едва снисходящее до наших жизненных бед и радостей, приветствуется и превозносится академической мыслью. Заметим сразу: и среди академических мыслителей находились такие, кто рисковал порвать с прежней традицией и открыться новому опыту. Они остро осознавали, что сами себя ставили на кон, что им не на кого было положиться, кроме как на самих себя. Как именно они выражали это сознание — это уже другая история, или же вовсе никакая не история, если в их текстах строчно написанное я вовсе не упоминалось. Так постепенно между академиками и маргиналами разверзлась ужасающая бездна. По обе ее стороны думалось и писалось по-разному. Скрытая общность, разделенное сознание исключительной роли каждой стороны привели к тому, что разделившая их пропасть была одновременно глубокой и вместе с тем очень узкой. У представителей обеих сторон находились оказии для обмена, общения — для головокружительного рукопожатия над бездной. Самая знаменитая такая встреча свела Руссо и Канта. «Я предпринимаю дело беспрецедентное, которое не найдет подражателя. Я хочу показать своим собратьям одного человека во всей правде его природы, — и этим человеком буду я. Я один». Так открывал Руссо свою «Исповедь». «De nobis ipsis silemus», «о самих себе мы молчим» — для своей «Критики чистого разума» Кант выбрал этот эпиграф из Фрэнсиса Бэкона⁶. И все же великий молчальник Кант протянул руку разговорчивому французу: «Руссо исправил меня»⁷. Кантова похвала касалась руссоистского гимна свободе, но то, что для Руссо в эту свободу неотъемлемо входила и свобода говорить о себе и обнажать себя как индивида, — это, на взгляд Канта, было излишним и нелепым. Так и прошли академики и аутсайдеры по эпохам рядом, по параллельным путям — как отчужденные друзья, а то и как враги. Академические мыслители вещали со своего высоко-

⁶ Бэконовская цитата была добавлена Кантом ко второму изданию. Кстати, слова Бэкона служили и после Канта девизом, по меньшей мере Паулю Наторпу, Хансу-Георгу Гадамеру, а также Сэмюэлу Беккету (*Natorp P. Selbstdarstellung // R. Schmidt (Hg.). Philosophie in Selbstdarstellungen. Bd. 1. Leipzig, 1921. S. 151–176; Gadamer H.-G. Philosophische Lehrjahre. Frankfurt a. M., 1977. S. 3; Beckett S. The Unnamable. L., 2010. P. 42).*

⁷ Кант И. Наблюдения над чувством прекрасного и возвышенного // Кант И. Соч.: в 6 т. Т. 2. С. 204.

го престола, купаясь в непререкаемом престиже. Они говорили от имени чистого Созерцания, чистого Духа. Чужак, посторонний чувствовал себя неуютно на этом престоле и, слезая с него и на него оглядываясь, считал его безнадежно прогнившим. Ему претила ложь теории, бесследное исчезновение пишущего индивида в самом письме.

В конце XIX века Вильгельм Дильтей предпринял знаменательную попытку преодоления этой пропасти, примирения теории и автобиографии. Он утверждал, что мы, собственно, занимаемся тем же самым, теоретизируем ли мы или пишем автобиографию. С одной стороны, Дильтей воевал с унылой теорией рационализма и призывал философию к раскрытию всего исторического ансамбля жизненных взаимосвязей: «В жилах познающего субъекта, какого конструируют Локк, Юм и Кант, течет не настоящая кровь, а разжиженный сок разума как голой мыслительной деятельности»⁸. Рядом с теорией, занятой макрокосмом исторической действительности, он ставил, с другой стороны, автобиографию, повернутую к микрокосму отдельной жизни:

Автобиография — это высшая и наиболее поучительная форма, в которой нам представлено понимание жизни. Здесь жизненный путь явлен как нечто внешнее, чувственно данное, от чего понимание должно проникнуть к тому, что обусловило этот путь в определенной среде. Но при этом человек, понимающий этот жизненный путь, идентичен тому, кто этот путь проделал. Из этого вырастает особая интимность понимания. <...> Здесь самость постигает свой жизненный путь так, что осознается человеческий субстрат, а также те исторические отношения, в которые она вплетена. Таким образом, автобиография способна, наконец, развернуться в историческое полотно; и его границы, но и его значение определены тем, что полотно это извлечено из переживания, чья глубина делает понятными самость и ее отношение к миру⁹.

Дильтей представлял себе дело довольно просто: он исходил из гомологического подобия между большой и малой, всемирной и индивидуальной историей. Но кто сказал, будто мир и на самом

⁸ Дильтей В. Введение в науки о духе / пер. под ред. В. Малахова // Дильтей В. Собр. соч.: в 6 т. / под ред. А. Михайлова, Н. Плотнокова. Т. 1. М., 2000. С. XVIII.

⁹ Дильтей В. Построение исторического мира в науках о духе / пер. под ред. В. Куренного // Там же. Т. 3. М., 2004. С. 247, 251.

деле образует целостную взаимосвязь, усматриваемую в нем теорией? И откуда взялась у Дильтея уверенность, что жизнь переходит в автобиографию без искажений и изъятий? Дильтею уже упреждающе возражал Кьеркегор:

Говорят, можно ковырнуть пальцем землю и понюхать, чтобы узнать, куда, в какую страну ты попал; я ковыряю существование, — а оно ничем не пахнет. Где я? Что такое — «мир»? Что означает само это слово? Кто это обманом завлек меня сюда и бросил на произвол судьбы? Кто я? <...> Как я стал соучастником в этом крупном предпрятии, именующем действительностью? Какова моя часть в нем?¹⁰

Что жизнь и мир не могут гармонически ужиться под единой крышей одного-единственного метода — эта критическая уверенность общая для всех рассматриваемых в данной книге авторов, даже для тех, кто ближе всего стоит к позиции Дильтея, а именно Дьёрдя Лукача и Ханны Арендт. Сколь бы различны между собой они ни были, их объединяет отказ от Дильтеевой установки. В XX веке теория станет в широком масштабе автобиографичной, но отнюдь не в смысле дильтеевского великого примирения между субъектом и миром. О полном и всестороннем понимании уже не может идти и речи.

Вторжение жизни настигает теоретиков, смешивает карты любых анализируемых ими отношений, схлопывает все их устоявшиеся профессиональные идентификации. При любой их попытке восхождения к чистому духу жизнь напоминает им о себе тем непреложным фактом, что люди состоят из плоти и крови. По мере того как испаряется доверие к понятийному схватыванию мира, нарастает подозрение, что все теоретизирование бьет мимо цели, как раз когда говорятся большие и напыщенные слова, якобы пригодные для передачи сути мира, и употребляется язык, для этого отнюдь не уместный. Но может подходящего, *собственного*, языка для этого нет вовсе?

Трудно не увидеть в автобиографическом повороте в теории симптом кризиса, выражение неудобства (*Unbehagen*) и потерю ориентиров. Неудобство предстает как реакция на идеал замкнутой теоретической системы. Первым на штурм этого идеала призвал не кто иной, как Фридрих Ницше, в ком мы находим раннего проповедника поворота к автобиографии: если мыслитель выдвигает некое «целое», некоторую «систему», то это

¹⁰ Кьеркегор С. Повторение / пер. П. Ганзена. М., 1997. С. 87.

просто такой обман (*eine Art Betrügerei*)¹¹. Вопрос заключается в том, как в свете этого неудобства дальше заниматься теорией, как вообще быть теоретиком и себе как *таковому* придать форму. Утрата ориентиров произошла оттого, что, по словам знаменитой формулы Макса Шелера, еще никогда в истории человек не был настолько проблематичным для себя, как в настоящее время¹² и пребывает со своей строчной «я» в полной растерянности.

Тезис, сводящий напряженные отношения между теорией и автобиографией к неудобству в культуре и утрате ориентиров, объясняет многое, но не всё. Его слабость обнаруживается в негативности обоих терминов, выражающих суть кризиса: *неудобство..*, *утрата..*, а значит, нехватка, недостаточность, пробел, страдание. Захватывающие, напряженные отношения между теорией и автобиографией укладываются траурной рамки. Выходит, что теоретик обращается к своей никчемной жизни потому, что ни на что лучшее оказался неспособным. И наоборот, из этого положения можно выйти, если теория справится со своими проблемами и восполнит присущие ей нехватки. Каким будет это состояние, косвенно уже преддано и предписано. Если убрать негативность, то получим удобство в культуре и надежное наличие ориентиров. Теоретики-автобиографы предстают тогда рыцарями печального образа, помешавшимися на своей нужде и тайно уповающими обрести, наконец, удобную безопасность. Но каково могло бы быть это состояние? Безопасность системы, осажденной подобно крепости, или же безопасность *juste milieu*, «золотой середины», присущая академической среде?

Но, быть может, теоретики-автобиографы не обязательно были теми невеселыми героями, что мечтали любой ценой сбросить свою кожу, читай: идентичность, или они во всяком случае не были рыцарями *только* печального образа. Конечно, многие из рассматриваемых в этой книге авторов были разъедаемы внешней и внутренней нуждой; но большинство из них были способны творчески преобразовать эту нужду, на время забыть траурную ленту, обрамляющую связь между теорией и автобиографией. В этом они также следуют Ницше, нападавше-

¹¹ См.: Nietzsche F. Sämtliche Werke. München, 1980. Bd. 11. S. 132.

¹² Шелер М. Положение человека в космосе [1928]. М., 1991.

му на системный идеал и грезившему отнюдь не о печальной, но о «веселой науке». Соответственно в истории теоретико-автобиографических отношений можно — вполне ницшеански — узреть дух не только отрицания, но и утверждения. Так мы начинаем понимать одновременно тесную и до головокружения сложную связь между жизнью и письмом. Вопрос о том, как человек живет, как говорит (о самом себе), о том, как соотносятся формы его жизни и языковые игры, жизненные установки и позиции говорения, оказывается важным для высвобождения его творческой энергии. Если теория отсылает к автобиографии, то она не сводит себя к личному, но приближается к жизни, порывая с ложной самодостаточностью. И наоборот: позволяя просветить себя теоретически, автобиография не становится слишком рассудочной, но уходит от упрямого и монотонного самолюбования-самобичевания. Всем собранным в этой книге мыслителям присуще то, что они то и дело ощущали необходимость или возможность противопоставить контингентности жизни точность мысли, и наоборот. Их маргинальность могла вырасти из нужды или высокомерия, из чьего-то влияния или из собственного своеволия. Так или иначе, по тем или иным причинам, но блуждание на грани, нарушение границ стали для них привычным делом.

Что этим авторам приходилось пережить опыт отчуждения, отстранения и внутреннего уединения, видно по их отношениям с академическими институтами и политико-культурными порядками. Они не принадлежали академическому истеблишменту, приходили со стороны, а часто там, на стороне, и оставались, а к статусу классиков, коим они сегодня удостоены, приходили окольными путями. Часто они не получали при жизни университетского признания, причем некоторые из них его возжелали, а другие презирали. Задним числом их занесли в какие-нибудь дисциплинарные отсеки, в этнологию, литературную теорию, философию и социологию, но когда они только выходили на мыслительную арену, их профиль был вовсе не так ясен. Часто они сидели между двух стульев или работали в еще смутно очерченных, дисциплинарно недооформленных областях. Они нередко виртуозно лавировали между науками, открывали новые области исследования, изобретали новые методы.

Поскольку они постоянно расширяли и по-новому тасовали доставшийся им арсенал языковых форм, они весьма умеренно

придерживались заповеди чистоты, требовавшей от теории изо всех сил воздерживаться от смешения с чуждыми формами выражения. Поэтому они видели в литературе не рассадник разнужданного произвола или безудержной исключительности, но естественного союзника в деле спасения чести «я» с маленькой буквы. Это точно выразил Морис Мерло-Понти:

Все меняется, как только феноменологическая или экзистенциальная философия задается целью не объяснить мир или открыть «условия возможности» такого познания, а сформулировать опыт мира, контакт с миром, предшествующий всякой мысли о мире. С этого момента то, что есть метафизического в человеке, не может быть сведено к какой-то потусторонности по отношению к его эмпирическому бытию — к Богу, к Сознанию, — нет, человек метафизичен в самом своем бытии, в своей любви и ненависти, в своей индивидуальной или коллективной истории; и метафизика отныне, как говорил Декарт, уже не занятие на несколько часов в месяц; она присутствует, как считал Паскаль, в каждом движении сердца. Теперь задачи литературы и философии не могут быть отделены друг от друга¹³.

И конечно, вовсе не случайно многие из них писали как теоретические, так и литературные тексты (Валери, Кракауэр, Бретон, Батай, Лейрис, Сартр, Бланшо, Зонтаг, Кристева).

Они были не только маргиналами в университете, но и чужаками в различных других отношениях. Они принадлежали к нехристианской конфессии (Лукач, Витгенштейн, Кракауэр, Беньямин, Адорно, Арендт, Леви-Стросс, Лотман, Кэвел, Деррида и Зонтаг считали себя евреями) или к сексуальному меньшинству (Витгенштейн, Барт, Фуко, Зонтаг), вышли из географической окраины (болгарка Юлия Кристева, венгерка Надя Петёфски), или из скромной социальной среды (Бурдьё и Барт), или из неполных семей (Батай, Барт, Сартр и Дебор рано потеряли отцов).

Чуждость, чужеродность, постигшая всех этих теоретиков, соответствовала в ее радикальном толковании их ощущению, что они как-то не подходили этому миру. Это чувство вызывало у всех обсуждаемых авторов у кого защитные, у кого агрессивные реакции. Их охватывала меланхолия, глубокая скорбь о том, что мир (не только для них, но и вообще) устроен неправильно (Витгенштейн, Беньямин, Бахтин, Лейрис, Адорно, Бланшо, Леви-Стросс, Барт, Деррида, Дебор, Зонтаг, Кристева).

¹³ *Merleau-Ponty M. Sens et Non-sens. Paris, 1948. P. 54 f.*

Но они могли и перейти в атаку, чтобы уничтожить этот ложно устроенный мир, переиграть, обыграть его. Так развиваются мессианические упования, мобилизуются революционные энергии, направленные на собственные жизненные условия или же на общество либо нацеленные на создание культурных анти-миров (Беньямин, Бретон, Сартр, Лотман, Фуко, Бурдьё, Дебор).

В этой книге мы ограничимся только теоретиками, определившими собой духовный пейзаж XX века и вместе с тем продвинувшими теорию и/или практику (авто)биографии. Некоторые из них прямо-таки напрашиваются в книгу, посвященную взаимоотношениям теории и автобиографии (например, Кракауэр, Барт или Сартр). У других (например, у Витгенштейна, Бахтина или Зонтаг) эта взаимосвязь скорее скрыта, но, как мы увидим, не менее важна. Третьи (подобно Бланшо или Деррида) похоронили «Я» с большой буквы, или Субъект, по видимости, не дав больше пространства «я» строчному, но вместе с тем посвятив немало страстных страниц автобиографии.

Мы будем разбирать выбранных нами теоретиков в хронологическом порядке, по году рождения. Так диапазон развернется от Франции до Венгрии, от всемирно известного Поля Валери (родившегося в 1871 году) до практически не известной Нади Петёфски (1942 года рождения). По ходу мы встретим захватывающие сходства и различия между современниками Людвигом Витгенштейном и Зигфридом Кракауэром, между Мишелем Фуко и Стэнли Кэвелом, между Жаком Деррида и Пьером Бурдьё.

Оговоримся, что мы вовсе не одержимы нашей темой настолько, чтобы утверждать, будто *всех* великих мыслителей XX века увлекали и интриговали взаимоотношения между теорией и автобиографией. То, что некоторые из них не попали в нашу книгу, имеет отчасти случайные, отчасти систематические причины. Одним (как, например, Морису Мерло-Понти), возможно, ранняя смерть помешала заняться этим вопросом подробнее. Другие отказали в интересе к проблематике связи теории и автобиографии по систематическим причинам — весьма различным (сравним, например Мартина Хайдеггера с Джоном Ролзом¹⁴). Конечно, можно долго судить-рядить на тему, не

¹⁴ Ролз принадлежит к протестантско-аскетической традиции кантианского *De nobis ipsis silemus*. Например, согласно устному сообщению Сьюзан Нейман, он почти гневно отверг предложение Майкла Уолцера написать текст к 60-летию ядерной бомбардировки Хиросимы и Нагаса-

следовало ли обсудить здесь и других авторов. Но часто объем может пойти в ущерб делу, и мы решили, что наша выборка из 25 портретов уже открывает достаточно широкую панораму.

За каждую отдельную главу этой книги коллективно отвечают все три автора. Каждая возникла в ходе тесного сотрудничества, долгих споров, когда серьезных, когда шуточных исправлений и добавлений. Но все же главным автором глав о Валери, Бретоне, Батае, Лейрисе, Бланшо, Леви-Строссе, Деррида и Деборе является Венсан Кауфманн; глав о Лукаче, Шкловском, Бахтинe, Барте, Лотмане, Бурдьё и Кристевой — Ульрих Шмид¹⁵, а в главы о Витгенштейне, Кракауэре, Беньямине, Адорно, Сартре, Арендт, Фуко, Кэвеле, Зонтаг и Петёфски наиболее весом был вклад Дитера Томэ.

Работа над книгой была поддержана исследовательским сектором «Культуры, институции, рынки» Санкт-Галленского университета. За многообразную редакционную помощь мы благодарим Ноэми Кристен, Барбару Юнгклаус и Марию Тагангаеву.

ки и поделиться в нем воспоминаниями о своей военной службе на Тихом океане; вместо этого он написал строгий критический разбор попыток морально оправдать обращение к ядерному оружию. И наоборот: воздержание Мартина Хайдеггера от любых автобиографических мотивов можно считать мотивированным католически. Собственный вклад был важен ему как вклад в Целое, в Общее, где всякая оглядка на индивида осуждалась (см. также ниже нашу главу о Х. Арендт).

¹⁵ См. также его книгу о русской автобиографической традиции: *Schmid U. Ichentwürfe. Russische Autobiographien zwischen Avvakum und Herzen*. Zürich, 2003.

СЕРИЯ «ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ»
основана в 2009 г. Валерием Анашвили

В серии вышли: <https://id.hse.ru/books/series/23835166/>

Научное издание

ДИТЕР ТОМЭ, УЛЬРИХ ШМИД,
ВЕНСАН КАУФМАНН

ВТОРЖЕНИЕ ЖИЗНИ ТЕОРИЯ КАК ТАЙНАЯ АВТОБИОГРАФИЯ

Второе издание

Зав. книжной редакцией
ЕЛЕНА БЕРЕЖНОВА
Редактор
ГАЛИНА ШЕРИХОВА
Художник
ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ
Верстка
НАТАЛЬЯ ПУЗАНОВА
Корректор
ЕЛЕНА АНДРЕЕВА

Все новости издательства — <http://id.hse.ru>

По вопросам закупки книг обращайтесь в отдел реализации
Тел.: +7 495 772-95-90 доб. 15295, 15296, 15297
bookmarket@hse.ru

НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20
Тел.: +7 495 772-95-90 доб. 15285

Подписано в печать 25.11.2025. Формат 60×90/16
Усл. печ. л. 21,0. Уч.-изд. л. 17,8
Тираж 600 экз. Изд. № 2985. Заказ №

Отпечатано ООО «Фотоэксперт»
109316, Москва, Волгоградский проспект, д. 42

ПРОЕКТ_СЕРИЙНЫХ_МОНОГРАФИЙ
ПО_СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМ
И_ГУМАНИТАРНЫМ_НАУКАМ

СЕРИЯ «СОЦИАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ»

ГОТОВЯТСЯ К ВЫПУСКУ:

Томас Эриксен,
Мартина Визентин
УСКОРЕНИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ.
ДИАЛОГИ ИЗ ПЕРЕГРЕТОГО МИРА
Перевод с английского
ISBN 978-5-7598-4355-9
2026 г.

Марсель Мосс
ОБЩЕСТВА. ОБМЕН. ЛИЧНОСТЬ.
ТРУДЫ ПО СОЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ
Перевод с французского
Третье издание
ISBN 978-5-7598-4115-9
2026 г.